

– Полноте, Жебюрон! – воскликнула Парламанта. – Ноши, которые достаются мужчинам и женщинам, часто совсем не одинаковы. Ведь любовь женщины зиждется на благочестии и на благородстве, она так справедлива и так разумна, что тот, кто отказывается от нее, скорее всего труслив и подл и перед людьми, и перед богом. Любовь же большинства мужчин нашего круга настолько явно зиждется на удовольствии, что, не зная об их дурных намерениях, женщины нередко заходят сами довольно далеко. Когда же господь сподобит их вовремя узреть вероломство тех, кого они почитали порядочными людьми, они еще могут спасти честь свою и доброе имя, ибо безрассудства, которые длятся недолго, не могут принести много зла.

– Хорошо же вы рассуждаете, – сказал Иركان, – вам пришло в голову доказывать, что благородные женщины вправе, не запятнав своего благородства, оставлять мужчин, мужчины же, по вашему, так поступать не должны, как будто сердце у тех и у других сделано из разного материала. Но, как ни различны лица' их и одежда, я думаю все же, что желания их весьма схожи, разве только что искусно скрытое коварство женщины опаснее.

Парламанту это несколько рассердило, и она сказала:

– Если я правильно поняла, вы считаете, что коварные женщины, когда козни их раскрыты, уже не опасны.

– Довольно об этом говорить, – сказал Симонто, – чего нам спорить о том, чье сердце выше: сердце женщины или сердце мужчины. По правде говоря, лучшее из них – и то ничего не стоит. Давайте-ка спросим, кому Парламанта передает сейчас слово, чтобы мы могли услышать еще один интересный рассказ.

– Я передаю его Жебюрону, – объявила Парламанта.

– Ну, раз я начал уже говорить о францисканцах,³¹⁵ – сказал Жебюрон, – я не обойду молчанием и бенедиктинцев³¹⁶ и расскажу о том, какими они стали сейчас. Но при этом, рассказывая о недостойном монахе, я вовсе не хочу поколебать ваше уважение к людям, которые его вполне заслужили. Впрочем, поелику царь Давид сказал: «Всякий человек лжец»; и в другом месте: «Нет делающего добро, нет ни одного», – принимать человека, мне кажется, надо таким, каков он есть; если в нем и есть что-то благое, то оно идет от Источника всего, а не от самого творения. Если же начать сверх меры хвалить человека, он возомнит о себе больше, чем следует, и этим поддастся обману. А для того чтобы вы поняли, что и под самой большой строгостью может скрываться самое необузданное вожделение, послушайте о том, что приключилось в царствование короля Франциска Первого.

Новелла двадцать вторая

Сестра Мария Эроз, которую преследовал своими домогательствами приор монастыря Сен-Мартен-де-Шан,³¹⁷ с помощью божьей истаяла перед самыми сильными искушениями, так что приор был посрамлен, а она возвеличена.

В городе Париже, в монастыре Сен-Мартен-де-Шан, был некий приор, имени которого я не хочу называть, потому что он был моим другом. До пятидесяти лет он вел такую строгую жизнь, что слава о его благочестии облетела всю страну и самые знатные люди, когда он приезжал к ним, очень почтительно его принимали. Все преобразования в монастырской жизни утверждались не иначе как с его одобрения, и его называли отцом истинной веры. Он был избран визитатором³¹⁸

³¹⁵ В данном случае имеется в виду рассказанная Жебюроном в первый день история о двух монахах-францисканцах, пытавшихся изнасиловать перевозившую их через реку лодчицу.

³¹⁶ *Бенедиктинцы* – члены монашеского ордена, основанного святым Бенедиктом в 1529 г. Бенедиктинцы имели большие библиотеки и скриптории, вели погодную запись событий и слыли образованными и учеными людьми.

³¹⁷ *Сен-Мартен-де-Шан* – парижский монастырь. Описанный в новелле приор этого монастыря действительно существовал; это Этьен Жангиль, возглавлявший монастырь с 1508 по 1536 г.

³¹⁸ *Визитатор* – духовное лицо, в обязанности которого входило посещение определенных монастырей с целью их инспекции.